

Е. С. Садовая¹

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ МЫ ОПИШЕМ НАШЕ БУДУЩЕЕ (О методологии исследования социальной динамики в условиях трансформации мироустройства)

Широко известно выражение о том, что генералы всегда готовятся к прошедшей войне. И оно верно не только для военной науки. В той или иной мере с такой проблемой сталкиваются все занимающиеся исследованиями в области общественных наук. Это становится особенно очевидно на определенном этапе общественного развития, когда количественные сдвиги неотвратимо приводят к изменению качественных характеристик общественной системы, имея в виду то, что Д. Хендрикс называл ситуацией фазового перехода. Изменения приобретают самоусиливающийся характер и препятствуют возвращению в прежнее состояние².

При этом процесс бифуркации необязательно завершается хаосом. Система может перейти к «более высоким формам порядка»³, однако по своим параметрам, организационно-институциональному и содержательному наполнению она будет качественно отличаться

от предшествующей. В такие моменты возникает явная потребность спрогнозировать направления общественной динамики. Прогнозы, основанные на адекватных представлениях о сути происходящих трансформаций, ценны не только с гносеологической, но и с практической точки зрения, поскольку они позволяют правильно выбрать направления политики, «подтолкнуть» положительные перемены и элиминировать возможные социальные риски. Научное сообщество оказывается перед сложным вызовом: необходимо дать обществу достоверную картину происходящих трансформаций, нарисовать «образ будущего» — при том что само это будущее еще неявно, его перспективы неочевидны, еще не все «развилки» пройдены.

Причины, по которым эта задача оказывается невероятно сложной, очевидны. Дело в том, что происходящие перемены все труднее поддаются осмыслению в привычных рамках работавших ранее объясняющих концепций, вполне удачно справлявшихся с аналитическим структурированием социального пространства. При этом общеупотребимый и доступный язык, на котором возможно его описать, еще не сложился. Более того, научный язык, который сформировался в рамках уходящей эпохи и позволял адекватно описывать сложившуюся социальную реальность, в условиях постоянных существенных изменений стремительно устаревает.

Сложность теоретического осмысления происходящего, его концептуализации обусловлена не только лишь неоднозначностью процессов и их стремительностью. Свою роль сыграли «бедность словаря и ограниченность понятийного аппарата исследователей стремительно меняющегося мироустройства и не-

¹ Заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект» (в соавт.), «Международные стандарты в сфере труда: институты и механизмы реализации (опыт развитых стран и России)», «Качество жизни населения мира: тенденции, измерение, институты» (в соавт.), «Инновационная экономика: занятость, трудовая мотивация, эффективность труда» (кол. авт.), «Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант» (кол. авт.); статей: «Цифровая экономика и новая парадигма рынка труда», «Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений» и др.

² Hendricks D. Financial Reform Project. Briefing Paper # 1: Defining Systemic Risk. 2009. URL: <https://ru.scribd.com/document/19388590/Defining-Systemic-Risk-Pew-Financial-Reform-Project>.

³ Ласло Э. Рождение слова — науки — эпохи // ПОЛИС. 1993. № 2. С. 27.

адекватность объяснительных моделей, при которых... „кризис развития“ накладывается на „кризис знания о развитии“¹. Главной сегодняшней проблемой, таким образом, становится необходимость разработки релевантного инструментария для интеллектуального осмысления того «ускользающего из рук мира» (по Э. Гидденсу), в котором нам довелось жить.

Кроме того, существует вполне оправданная боязнь неизвестного будущего. Это затрудняет процесс принятия самого факта кардинальной трансформации, обостряет желание пролонгировать существующие тенденции. Именно нарастанием тревоги и неопределенности в первую очередь объясняется и изменение общественного дискурса — от видения его как «текучей реальности» (у З. Баумана) к «обществу риска» (по У. Беку и О. Яницкому) и «обществу травмы» (по определению Ж. Т. Тощенко). «Общество риска» О. Н. Яницкий обозначает как «новую парадигму общественного развития»². Это связано, на наш взгляд, с неопознанностью, непредсказуемостью наблюдаемой нами социальной динамики, а значит, с тем, что процессы плохо управляемы.

Понимание происходящего осложняется также тем, что различные процессы, протекающие в обществе, — технологические, организационно-институциональные, социальные, наконец, связанные с трансформацией сознания человека, — развиваются неравномерно, и это затрудняет определение основных тенденций. Так, в последние десятилетия весьма заметно ускорилось технологическое развитие, и если раньше смена технологических укладов происходила на протяжении жизни нескольких поколений, то сегодня несколько технологических укладов сменяются при одном поколении. В основе данного процесса лежат ужесточение конкуренции по издержкам и экономическая глобализация.

Экономическая парадигма общества меняется медленнее, так как она основывается на групповых интересах, подлежащих согласованию, и процесс этот идет небыстро. Политическое развитие еще более инерционно. Наконец, скорость трансформации институтов и отношений в социальной сфере самая низкая, поскольку затрагиваются интересы всех без исключения членов общества³.

В итоге разрушение социальных структур «уходящего» индустриального общества идет медленнее, чем формируются технологические основы общества, которое конвенционально признается информационным. При этом данные процессы являются отражением единой социальной динамики, они взаимообусловлены

и активно влияют и на общество, и на каждого отдельного человека. Именно в таком ключе они и должны рассматриваться.

Очевидно, что процесс общественной трансформации обусловлен широким распространением цифровых технологий. Материальной основой этого нового формирующегося общества становится цифровая экономика, представляющая собой новую организационную логику, соотношенную с новой технологической парадигмой и нашедшую свое физическое воплощение в платформенных решениях⁴.

Главное ноу-хау платформенных компаний — это не производство конкретных товаров или услуг, но создание условий и технологической базы для кардинального изменения моделей взаимодействия между субъектами в совершенно разных (собственно, даже неважно, каких именно) сферах экономической деятельности. Такая перемена по-своему революционна: новые модели бизнес-взаимодействий порождают совершенно новую экономическую реальность, грани которой известны нам под разными именами: «экономика по запросу», «гиг-экономика», «сетевая экономика», «долевая экономика», «экономика совместного потребления».

В докладе, подготовленном компанией «Accenture», подчеркивается, что использование бизнес-моделей, основанных на платформенных решениях, знаменует собой «самое значительное изменение макроэкономической среды со времен промышленной революции»⁵.

Действительно, логика развития цифровых технологий, определяющая кардинальное изменение всей архитектуры экономики и ведущая к реформатированию всей системы общественных отношений и социальной структуры общества, приводит к размытию таких привычных для индустриального общества понятий, как «собственность» и «предпринимательство». Исчезает предприятие в привычном смысле этого слова, уступая место краудворкинговым платформам, стираются границы между субъектами рынка. Созвучна этому идея О. Н. Яницкого о «двойственности, двузначности всякого орудия, социального действия, организации», являющихся «одновременно инструментами креативной и разрушительной деятельности, защиты и нападения». Как и любые другие, цифровые технологии несут в себе огромные возможности, иначе они не получили бы такого широкого распространения, а их применение не стало бы конкурентным преимуществом отдельного человека, бизнес-проектов и стран. Их не стоит излишне демонизировать, но и недооценивать связанные с ними социальные риски также нельзя.

Одним из важнейших механизмов, через который цифровые технологии оказывают непосредственное воздействие на человека, является занятость. Именно в ней преломляются технологические новации, заставляя складывающиеся здесь отношения эволюционировать от вынужденно солидарных, характерных для

⁴ Castells M. The Information Age. Economy, Society, and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.

⁵ Technology Vision 2016. URL: <https://www.accenture.com/ru-ru/company-news-release-techvision-2016>.

¹ Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России / под ред. В. И. Пантина, И. С. Семеновича, В. В. Лапкина, К. Г. Холодковского. М.: ИМЭМО РАН, 2016.

² Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 9.

³ Здесь стоит отметить, что культура и человеческое сознание, очевидно, еще более инерционные системы. Именно «универсалии культуры» (концепт, предложенный академиком В. С. Степным), являющиеся своего рода надбиологическими программами, определяющими характер того или иного общества, обеспечивают устойчивость и преемственность человеческого сознания. Однако в данном случае основной упор делается на анализ институциональных трансформаций.

общественного производства индустриальной эпохи, к полностью индивидуализированному, фрагментированному, неустойчивому, зачастую виртуальным в разных смыслах этого слова отношениям.

Основные структурообразующие элементы общества, сформировавшиеся в условиях аналоговой реальности, размываются в реальности цифровой. Привычные категории научного анализа и обыденной жизни, такие как занятость, труд, профессиональная деятельность, трудовые отношения, безработица, также меняют свое содержание, формируя основы нового общества, которое лишь отчасти может быть названо «посттрудовым»¹.

Все же основная часть трудоспособного населения вынуждена будет искать возможности добычи средств для жизни, поскольку проекты с введением безусловного базового дохода провалились по экономическим причинам даже в наиболее развитых странах. Другое дело, что это не будет занятостью и трудовыми отношениями в привычном смысле. В этих условиях второе рождение получает предложенное Э. Тоффлером понятие «протребители»², на наш взгляд, скорее, в художественной, нежели научно-аналитической форме отражающее происходящие в сфере труда перемены, связанные с размыванием прежних представлений о труде и профессиональной занятости.

Сегодня люди вынуждены менять сферу приложения своего труда несколько раз в год, а то и в месяц, скачивая приложения на свои мобильные устройства и становясь, вслед за «экономикой по запросу», «занятыми по запросу», никак юридически свою дея-

тельность не оформляя. Платформа ведь, являющаяся, по сути, всего лишь программным продуктом, не может быть работодателем. Креативность же труда для значительной части таких работников заключается в том, чтобы придумать возможные способы дискретного, нестабильного, зачастую низкооплачиваемого заработка. Все это приводит к размыванию прежних ценностных оснований общества, смене парадигмы общественного устройства, изменению сознания людей, их мировосприятия, отчего человек делается более зависимым и манипулируемым.

Несомненно, современное общество, находясь в точке бифуркации и оказываясь «обществом риска», вынуждено будет выбирать путь своего дальнейшего развития. Можно согласиться с О. Н. Яницким, говорящим о ценностной детерминированности выбора «между рискованными альтернативами»³. Трудно пока сказать, будет ли сформулирован и предложен обществу некий универсальный глобальный проект его переустройства. Пока мы видим очень широкий набор образов нашего будущего. От китайской «рыночной, управляемой по плану системы»⁴ с ее индексами социальной благонадежности и тотальным цифровым контролем до футуро-архаического общества Жака Аттали и трансгуманистических идей, которые все шире распространяются в западных странах⁵. Момент выбора между тем наступает неотвратимо. Это актуализирует необходимость «политической интерпретации технического и естественно-научного знания... перевода этого знания на язык политического диалога и решений»⁶.

¹ *Srnicek N., Williams A. Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work. L.: Verso, 2015.*

² Будущее труда. Интервью Элвина Тоффлера // Гуманитарные технологии. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/2502>.

³ *Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 16.*

⁴ *Wang B, Li, X. Big Data, Platform Economy and Market Competition: A Preliminary Construction of Plan-Oriented Market Economy System in the Information Era // World Review of Political Economy. Summer 2017. Vol. 8, №. 2 P. 138–161.*

⁵ Paper Panther. What will family life be like in the future? // BBC Ideas. URL: <https://www.bbc.com/ideas/videos/what-will-family-life-be-like-in-the-future/p071p72t?playlist=life-in-2039>.

⁶ *Яницкий О. Н. Указ. соч. С. 12.*